

Светлана Алешина

Ночь кровавой луны

Часть сборника
Неотразимое чудовище
(сборник)

Светлана Алешина
Ночь кровавой луны
Серия «Александра»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6147802

*Алешина С. В. Неотразимое чудовище. Ночь кровавой луны: Повести.:
Эксмо-Пресс; Москва; 2000
ISBN 5-04-005782-2*

Аннотация

«...С Игорем Воронцовым я встретила у дверей ванцовского кабинета. Я собиралась туда войти, а Игоря выводили под конвоем.

Первая мысль, которая пришла мне в голову, когда я его увидела, что Ванцов зачем-то арестовал Даймона Хилла. Настолько этот парень был похож на моего и Пенсова любимца, известного гонщика «Формулы».

На одно мгновение наши глаза встретились, и я сразу же отвела взгляд, потому что видеть такую боль, поверьте, было непереносимо. Кстати, говорят, боль – как заразная болезнь – очень легко передается. Может быть, по этой причине люди не любят встречаться с человеческим горем, а тут оно хлестало через край, выплескиваясь из этих добрых и умных глаз.

Я не оговорила, у него были именно такие глаза. Вот представьте себе, человека выводят из кабинета следователя, то

бишь передо мной – преступник, но его глаза были глазами очень хорошего человека.

Я потом обернулась и долго смотрела ему вслед...»

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	34
Глава 4	47
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Светлана Алешина

Ночь кровавой луны

Глава 1

С Игорем Воронцовым я встретилаь у дверей ванцовского кабинета. Я собиралась туда войти, а Игоря выводили под конвоем.

Первая мысль, которая пришла мне в голову, когда я его увидела, что Ванцов зачем-то арестовал Даймона Хилла. Настолько этот парень был похож на моего и Пенсова любимца, известного гонщика «Формулы».

На одно мгновение наши глаза встретились, и я сразу же отвела взгляд, потому что видеть такую боль, поверьте, было непереносимо. Кстати, говорят, боль – как заразная болезнь – очень легко передается. Может быть, по этой причине люди не любят встречаться с человеческим горем, а тут оно хлестало через край, выплескиваясь из этих добрых и умных глаз.

Я не оговорилаь, у него были именно такие глаза. Вот представьте себе, человека выводят из кабинета следователя, то бишь передо мной – преступник, но его глаза были глазами очень хорошего человека.

Я потом обернулась и долго смотрела ему вслед. Как буд-

то предчувствовала, что эта случайная встреча должна изменить ход моей жизни. И тот миг, когда Пенс попросил меня сходить к Лешке Ванцову, чтобы тот помог ему с техосмотром, был запрограммирован богом.

Только не подумайте, что я такая самоуверенная, просто иногда бог сталкивает меня с некоторыми людьми. Наверное, чтобы я все-таки чему-то научилась в этой жизни. Ведь нельзя же постичь ее премудрости, не общаясь с другими представителями рода человеческого!

Игорь не обратил на меня особого внимания, разве что посмотрел чуть дольше, чем на плафон, да слегка улыбнулся. Обманывать себя смысла не было, но мне почему-то показалось, что в это мгновение что-то произошло и с ним, и со мной. Мне даже почудилось, что ему хочется что-то сказать, а мне хотелось это услышать. Но – одно мгновение, и все стало на свои места.

Его увели. Я вздохнула и постучала в дверь кабинета.

– Войдите, – раздался Лешкин голос.

Увидев меня на пороге, Лешка моментально убрал хмурь из глаз и широко улыбнулся.

– Сашка, солнышко, я рад тебя видеть...

Он тут же протянул мне листок с координатами некоего Анатолия Ивашкина, к которому надлежало пойти Пенсу.

– Надеюсь, все пройдет нормально. Значит, открываете сезон мотогонок?

– Да, – кивнула я. – Жутко как надоела зима.

– Не тебе одной, – согласился со мной Лешка. – А как у вас с частным сыском? Много жен вернули под конвоем?

Воспоминание о человеке в коридоре было связано со словом «конвой». Я помрачнела.

– Что? – сразу заметил Ванцов. – Работа мешает радостно воспринимать объективную реальность?

– Да нет, – отмахнулась я. – Работа, Лешка, упорно изображает из себя волка. То есть я практически маюсь бездельем, поскольку к нам за целый месяц никто толком не обратился... Я даже начала скучать.

– Счастливица, – вздохнул он. – Мне это не грозит. Сама видишь, сколько навалено на столе... И это еще не все. Хочешь кофе?

Я кивнула.

Он громко заорал:

– Людмила!

Из соседней комнаты выплыла полненькая дамочка бальзаковского возраста и со скромной улыбкой остановилась перед нахалом Лешей.

– Кофе сделай, – скомандовал тот.

К моему удивлению, она с покорностью «младшей жены в гареме» отправилась выполнять приказ.

– Как ты обращаешься с секретарем? – возмутилась я.

– Это не секретарь, – поморщился он. – Это мои следователи. Две тетki, от которых проку никакого. Пусть хоть кофе варят!

Да уж, посмотрела я на Ванцова. Сказал бы спасибо, что не я работаю в твоём отделе... Как пить дать, кофе варил бы именно ты!

Когда она вернулась, он протянул ей папку и сказал:

– Это отнеси. Введешь данные в компьютер.

– По Воронцову? – спросила она.

Он кивнул.

Она жалостливо вздохнула.

– Людмила! – строго сказал Ванцов. – Если ты собираешься рыдать над судьбами убийц и их жертв, тебе тут нечего делать.

– Ну, не все такие железобетонные, как ты, – неожиданно огрызнулась Людмила, забирая папку. – Кому-то надо и проявлять немного понимания...

Он проводил ее таким огнедышащим взором, что я перепугалась за ее дальнейшую судьбу.

– А кто это Воронцов? – поинтересовалась я.

– Убийца, – лаконично ответил он.

– И почему она его жалеет?

– Да потому что это не «дело», а сплошной женский роман! – сердито воскликнул Ванцов. – Одни сплошные «сюси-пусси» и горькие рыдания! Если я тебе расскажу, ты будешь давиться слезами и не сможешь выпить кофе толком! Прямо находка для слабонервных баб этот Воронцов! Еще и красив, еще и обаятелен! И вот ведь какая незадача – убийца! Только про это вспоминают намного позже. Когда вдо-

воль налюбуются его обаятельной рожей!

– И чего он такого сделал, что ты его невзлюбил с такой силой? – деланно-равнодушно спросила я.

На самом деле я уже догадалась, что речь идет о том парне, которого я встретила в коридоре. То, что он оказался убийцей, повергло меня в шок – его глаза были ДРУГИМИ.

Не знаю, как вам это объяснить, но за время моей работы я имела возможность много раз смотреть в глаза «убийц» и могу без особого труда охарактеризовать категории оных. Предположим, бывали убийцы по призванию. У этих смерть жила в глазах, немного разбавленная ложью. Можно было обмануться на какое-то время, но потом это все равно обнаруживалось. Были другие убийцы. Эти даже не трудились скрыть свое «эго». Или просто не могли этого скрыть? Конечно, были и случайные убийцы, но у этих в глубине глаз плескались горечь и страх, а у Воронцова этого не было. Только...

Я вспомнила строчки из «Баллады Редингской тюрьмы» Оскара Уайльда:

Но боль, какой не видел свет,
Плыла, как мгла, из глаз...

– Что ты сказала?

– Ничего, – покачала я головой. – Кого он убил?

– Да жену, – сказал Ванцов. – Такая вот банальная исто-

рия. Он убил свою жену.

– «Даймон Хилл»? – вырвалось у меня.

Ванцов окинул меня неодобрительным взглядом с ног до головы.

– Та-ак... Ты его видела, да? И тоже пленилась его обликом?

– Нет, я просто подумала, что он чертовски похож на Даймона, – пробормотала я, пытаясь оправдаться.

– Да не на Даймона он похож! Он на Демона похож, ваш Воронцов!

И чего это он так разозлился?

Я пожала плечами и сухо сказала:

– Не могу понять, чего ты так разорался? Если я сказала, что этот тип похож на гонщика «Формулы», это еще не означает, что я собираюсь выступать на суде в качестве адвоката. Я если и захотела бы, то не смогла! Замуж за него я тоже пока не собираюсь, хоть он и вдовец. Меня Пенс не отпустит.

– А если бы отпустил, начала бы млеть, как мои «барышни»! – с сарказмом сообщил Ванцов.

– Может, и начала бы, – не выдержала я. – А вот ты, между прочим, должен хранить объективность! А вместо этого заранее возненавидел подсудимого! Тоже мне, опер мирового масштаба! Может быть, его жена была такая стерва, что ее просто необходимо было убить?

– В том-то и дело, – развел руками Ванцов. – В том-то и дело, что его женой была Маша Тумановская...

– Что? – вскрикнула я. – О боже...

Я прикрыла глаза. Теперь я его понимала, Ванцова. Очень хорошо.

Но...

Но боль, какой не видел свет...

Эта боль, струящаяся из его глаз, – куда от нее скрыться?

* * *

Машу Тумановскую в Тарасове знали многие. Мало того, что она была одним из лучших в городе психологов-практиков, мало того, что она стояла у истоков «Помощи женщинам и детям», так и сама Машина личность обладала притягательностью – той самой «харизмой», о которой много пишут, но мало знают, что это.

Ее стройная, словно летящая фигурка, вызывала мысль о «херувимах и серафимах». Ее улыбка была такой обаятельной и открытой, что нельзя было не улыбнуться в ответ.

Маша производила на всех впечатление человека счастливого и уверенного в том, что счастье – норма жизни. Более того, она пыталась поделиться своим мироощущением с остальными, всегда готовая протянуть руку помощи.

Служба, которую она «зубами выгрызла» у наших властей, была призвана защитить «слабых» от насилия. Говорят, что

она так горела идеей «помощи», что встала на колени перед крупным чиновником. Это был первый и последний раз, когда она встала на колени. И добилась тогда своего.

А потом появился приют для «жертв домашнего насилия» – небольшой домик, огороженный высоким забором. Чтобы туда не проникли «враги», объясняла она. Так спокойнее...

Скольким людям она помогла? Скольких женщин и детей она защитила?

На ее похоронах были в основном женщины и дети. Мне говорили, их было очень много. И все плакали...

Потому что Маша была их защитницей, верой и надеждой... Она заставляла их поверить в то, что они – люди. Она учила их защищаться.

И не сумела защитить себя.

* * *

– Послушай, Лешка, но ведь она была счастлива в личной жизни? – не выдержала я. – Ты уверен, что именно он ее убил?

По его взгляду нетрудно было догадаться, что он думает.

– Прости, – произнесла я. – Просто я-то слышала, что они были очень дружной парой. И прекрасно понимали друг друга...

– Уверен, – отрезал Лешка. – Есть такая вещь, как улики, милая моя. А улики все указывают на него, как стрелочки.

– Но какой смысл? – продолжала недоумевать я. – Он же любил ее!

– А вот в этом следствие разберется, – сказал немного важно и напыщенно Ванцов. – Кстати, следствие просит некоторых особ не совать свой любопытный носик в чужие дела!

– Я и не собиралась, – честно ответила я. – Просто не могу понять, зачем ему это было нужно! Он убил ее из ревности?

– Если бы так, я бы понял, но... В том-то и дело, что она была убита хладнокровно и жестоко. Так что ваш драгоценный красавец просто заурядный сукин сын, и я не собираюсь обсуждать с тобой степень его вины. Для меня он – урод, убивший Машу Тумановскую, самую светлую личность, которую я когда-либо знал, и оставивший сиротами собственную дочь и собственного сына.

Он выразительно посмотрел мне в глаза.

«Все, прием по личным вопросам закончен, можешь двигаться отсюда, – прочла я в его глазах. – У меня сегодня масса дел».

Ну и ладно...

Я поднялась.

Уже на пороге остановилась и сказала:

– Спасибо за помощь, кстати.

– Не стоит.

– Если будет нужна моя помощь, обращайся!

– Не надо таких прозрачных намеков, – поморщился Ван-

цов. – Я и так понял, что ты уже загорелась этим делом. По глазам твоим, Сашенька, читать можно. Только это совсем не романтическая история. Грязная и подлая. Так что вряд ли мне понадобится помощь такой славненькой, чистой и юной барышни, склонной к сантиментам!

– Я могу обидеться, – предупредила я.

– Будет довольно глупо с твоей стороны, – рассмеялся он. – Просто есть такие сферы, в которые юным барышням лучше не лезть. Ладно, передай привет Ларьку!

– Передам, – кивнула я, закрывая за собой дверь.

* * *

Коридор был пуст.

Он тянулся, как самая печальная жизнь, уводя во мрак небытия.

О боже! Стены, задрожав,
Распались на куски,
И небо пламенным венцом
Сдавило мне виски.
И сгнула моя тоска
В тени его тоски.

Я закрыла глаза и представила себя на его месте.

Это меня уводили в черную проплешину горечи, от которой все равно некуда деться.

Итак, он идет по коридору. Руки за спиной, а голова опущена. Он не хочет больше видеть этот мир, потому что прекрасно знает, что отныне мир превратился для него в ад. Даже если он сам создал вокруг себя ад, это ничего не меняет. Ад будет окружать его, и дьяволы будут усмехаться зловещими ухмылками вслед.

Он идет по коридору, и я тоже кажусь ему монстром из тяжелых снов Гойи.

Дойдя до конца коридора, он внезапно оборачивается, и я ловлю на себе его взгляд.

Губы шепчут какие-то слова, которых я не могу расслышать, но могу прочесть по губам. Одно движение губ, как округлый шарик. «По»... Второй, как мякоть. «Мо»... И третий, как легкая улыбка, на одно мгновение раздвинувшая губы, оставившая глаза печальными. «Ги»...

– Помоги...

Это только плод моей фантазии. Я открываю глаза, коридор пуст.

Никто не просил меня о помощи. Лариков сейчас не преминул бы рассмеяться и произнести сакраментальную фразу о «крыльях безудержной Сашиной Фэнтэзи»...

Но я возвращаюсь, открываю дверь и оглоушиваю несчастного, застывшего с бутербродом в руках Ванцова вопросом:

– А что говорит сам убийца? Как Воронцов объясняет свои действия?

Ванцов героическим усилием воли удержался от искушения запустить недоеденный бутерброд в мою нахальную физиономию и процедил сквозь зубы:

– Я предполагал, что ты не уймешься...

– Что он говорил сам? – пропустила я его ворчание мимо ушей.

– Ничего он не говорил и не говорит, – взревел Ванцов. – И не собирается говорить. Сидит себе, молчит и кивает, как китайский болван! А если ты не отстанешь от меня, я не смогу сдержаться, и эта ветчина окажется на твоей прелестной мордашке!

– Не надо, – попросила я его. – Ветчину жалко... Почему он все-таки молчит?

– А вот и не знаю, – развел руками Ванцов. – Наверное, понимает, что мне нельзя доверять. Наверное, ему стало стыдно за содеянное. Или он онемел! Какая мне разница, если все улики против него? Даже топор он держал в руках, между прочим... Тогда к чему мне его откровения? Настанет миг – заговорит, как миленький!

Я не стала уточнять, как говорят «миленькие».

Топор...

Маша Тумановская была зарублена топором.

– Невозможно представить его с топором, – покачала я

головой.

– Сашка, еще одно слово, и я «запущу в вас графином»!

– Все, Ванцов, исчезаю! – сказала я. – И все-таки ты бы еще кого-нибудь поискал, а? Не вяжется Воронцов с топором, понимаешь?

– Сейчас с топором буду вязаться я, – угрожающе сдвинул брови Ванцов. – Вас наняли, детектив Данич?

– Нет, – честно призналась я.

– Тогда уматывайте с глаз моих, – мрачно изрек Ванцов.

– А если меня наймут? – поинтересовалась я. – Ты поделишься со мной материалами дела?

– Если тебя наймут, я намекну, что у тебя нет лицензии.

И отстраню тебя от дела.

– Даже как помощницу Ларикова, у которого лицензия есть?

– Вот с Лариковым-то я и буду разговаривать! – рявкнул он.

– Ты просто какой-то злобный женоненавистник, – сокрушенно вздохнула я. – А с виду такой приятный малый!

– Как и ваш прекрасный Воронцов, – проворчал он.

– Так, все-таки, как ты сам-то считаешь? Тебе верится, что это он убил Машу?

Он долго молчал, сосредоточенно разглядывая трещины на потолке.

– Ремонт надо делать, – выдохнул он спустя несколько минут.

– Я, кажется, задала тебе вопрос. Не можешь набраться мужества ответить честно?

Он сверкнул на меня глазами.

– Знаешь, Данич, на тебе плохо отражается общение с Лариковым! Когда мы познакомились, ты была такой милой и вежливой девочкой, а теперь... Теперь, прости уж, хамство стало твоей неотъемлемой чертой!

– Ну, это появилось во мне после знакомства с тобой, – парировала я. – И Лариков тут ни при чем. Так как с простым ответом на простой вопрос?

– Ну, хорошо, – наконец решительно изрек он. – Я в недоумении. Ты удовлетворена?

– Вполне, – кивнула я, закрывая дверь.

* * *

На улице пахло весной.

Снег под солнечными лучами превращался в лужи, и, хотя весны, как таковой, еще не было, в груди уже поселилось щенячье чувство радости.

«То, что с кем-то сейчас происходят несчастья, дико и несправедливо, – рассудила я, наблюдая за стайкой девиц школьного возраста, всем своим видом демонстрирующих беззаботное счастье. – Но, в принципе, Ванцов прав. Мне это дело никто не поручал и поручать не собирается. Поэтому надо забыть этого человека. Просто выкинуть из головы.

Тем более что он все-таки...»

«А если он не виновен?»

Я не могла отделаться от этой мысли.

Если он не виновен...

– В конце концов, Лешка ведь неплохой оперативник, – пыталась успокоиться я. – Ну, не станет он вешать на человека вину только для отчетности! И совсем он не дурак. Так что не бери в голову чужие проблемы, Данич! Своих тебе, что ли, не хватает?

И все-таки, все-таки, все-таки...

Я понял, как был легок шаг, шаг жертвы.

И каким гнетущим страхом он гоним,

какой тоской томим:

Ведь он любимую убил, и казнь вершат над ним...

Строчки вылетели, как птицы, и я застыла на месте, задумчиво разглядывая трамвай с надписью «Чай «Липтон».

Мне не было дела ни до этого желтого трамвая, ни до чая «Липтон». Мой взгляд вряд ли можно было назвать спокойным и осмысленным, тем более что женщина, идущая мне навстречу, посмотрела на меня с явным беспокойством.

Может, ей не понравились строчки стихотворения? Или то, что я вдруг вздумала заняться мелодекламацией прямо на улице?

Впрочем, мне и до этой женщины не было дела...

Моя голова была занята Игорем Воронцовым и Машей

Тумановской. Поэтому я быстрыми шагами направилась к дому Андрея Ларикова, где располагался наш офис.

Глава 2

– Андрей!

Я еще стягивала ботинки, черт, как иногда мешает шнуровка!

– Андрюшенька!

Он вышел и с недоумением наблюдал мои попытки скинуть с себя эти «накрепко зашнурованные кандалы».

– Тебе помочь? – поинтересовался он. – Вообще-то умные люди сначала расшнуровывают ботинки...

– Я никак не могу причислить себя к разряду умных людей, – проворчала я. – Напротив, вся моя жизнь заставляет меня убедиться в обратном... Уф, наконец-то!

Освободившись от ботинок, я почувствовала себя ужасно усталой.

– Так вот, мне нужна твоя помощь! Понимаешь, Андрюшенька, мне очень нужно, чтобы нас с тобой наняли на работу!

– Не скрою, мне бы тоже этого хотелось, – сердито кивнул он. – Но я не знаю, как этого добиться от людей, которые либо не нуждаются в наших услугах, либо не спешат в этом признаться! Ты хочешь, чтобы я начал приставать к прохожим?

– Нет, – я затрясла головой с такой интенсивностью, что сама испугалась. Вдруг да оторвется? – Мне надо узнать ад-

рес. Только адрес! Там нуждаются в нашей помощи! Очень-очень нуждаются, Андрей!

– Позвони в справочную, – посоветовал мой босс, иронически посмеиваясь.

– Не пойдет, – отмахнулась я. – Мне позарез нужна Людмила!

– Какая Людмила? – удивленно приподнял брови Лариков.

– Следователь у Ванцова.

– Так, – протянул Лариков. – Я понял. Ты же была у рыжего. Как я сразу не сообразил! И твердо решила отбить у него кусочек хлеба, да, моя радость? Нет уж, милочка, не дождешься! Я не встану на пути у Ванцова, потому что он, как танк – не отпрыгнешь вовремя, раздавит! Найди себе другое развлечение!

– Андрей! – взмолилась я. – Они же его засудят! А он не виновен!

– О боже! Ужель господь наконец-то внял моим молитвам и решил избавить нас от Ванцова? – воскликнул Лариков. – Не буду я ему помогать! Пусть судят себе на здоровье, давно пора! По крайней мере, моя жизнь станет чуть спокойнее. Одним нахальным типом среди знакомых меньше...

– Да не Ванцова, – поморщилась я. – Совсем другого человека! Андрюша, позвони этой Людмиле. Она мне очень нужна! Договорись с ней о встрече – и все. Больше от тебя ничего не потребуется! Я все беру на себя.

– Нет, – строго сказал Ларчик. – Сначала скажи, кто так ранил твое жалостливое сердце, что ты растаяла, как сосулька на весеннем солнце, и готова сразиться с этим драконообразным Ванцовым? Признавайся!

Я не спешила с признаниями. Опыт всей моей жизни показывал, что признания не всегда полезны. Иногда куда правильнее затаить истинные чувства.

– Ну-с? – грозно сдвинул он брови. – Колись. Все равно придется. Кто разбудил в твоем сердце чувство пламенной справедливости, доселе мирно дремавшее?

– Воронцов, – тихо сказала я. – Игорь Воронцов.

* * *

Он очень долго смотрел на меня, жалостливо так, как на смертельно больного человека. Потом открыл было рот, но ничего не сказал, только махнул рукой.

– Что, ты тоже считаешь, что Воронцов убил Тумановскую, да? – спросила я.

– Улики есть улики, – пробормотал он. – Против лома нет приема. Если человек сидит на полу перед трупом своей жены и сжимает в руках топор, которым только что раскроил ей череп, и при этом никто из него не может вытянуть ни слова, что ты еще будешь думать?

– От противного, – ответила я.

– То есть?

– То есть я подумаю, что, например, он пришел и застал эту ужасную картину. Топор лежал рядом. Дальше потрясение. Шок. Он не хочет говорить. Есть еще чувство подсознательной вины, – предположим, он считает, что, если бы он находился дома, его жена была бы жива. Поэтому он взял это преступление на себя. Мало ли, почему человек молчит?

– Он не производит впечатление человека, который находится в шоковом состоянии.

– Ты что, Лариков, новый Эрих Фромм? Как ты можешь определить психическое состояние человека?

– А его не я определял. Это заключение судебного психиатра. У Воронцова все в порядке с психикой.

– Просто он молчит, – кивнула я.

– Не надо иронизировать!

– Я не иронизирую. Мне непонятна позиция этого судебного психиатра. Человек только что пережил состояние аффекта...

– Не было никакого аффекта!

– Тогда мы имеем дело с гнусным чудовищем, хладнокровно убившим собственную и – что немаловажно! – любимую жену и не испытавшим при этом никаких потрясений и изменений в психике? Прости, мне Воронцов совсем не показался чудовищем. А глаза у него больные. Хотя я не психиатр. Может, я чего не понимаю, но у меня создалось впечатление, что он просто больше не хочет жить. Этот человек несчастен. И нуждается в помощи.

– Саш, я понимаю тебя. Воронцов обаятелен. Воронцов красив...

– Да пошел бы ты, Лариков! – заорала я. – При чем тут это? Я что, напоминаю вам всем девицу, которая спит и видит нового кавалера? У меня на Сережку-то времени и сил не хватает, а вы все сходите с ума, считая мое желание вмешаться и чем-то помочь элементарными «бабскими» чувствами!

– Не надо так размахивать руками, – попросил Лариков. – Ты сразу становишься похожей на ветряную мельницу!

– А вы с Ванцовым похожи на...

Я задумалась о том, на кого они похожи.

– На двух занудных стариканов. Из «Маппет-шоу», – наконец решила я. – Тебе так трудно попросить Люду о встрече?

– Нет, нетрудно. Просто я не желаю влезать в это дело и тебе не советую.

– Я выслушала твой совет, но у меня есть право соображать самой, – кивнула я. – Звони.

Он вздохнул и посмотрел на меня с такой тоской, что мое сердце дрогнуло, но я сцепила зубы.

Встретив в моих глазах только холод, он набрал номер и попросил Люду к телефону.

Потом протянул мне трубку.

– Пожалуйста, детектив Данич!

– Спасибо, детектив Лариков, – растянула я губы в «аме-

риканском чизе».

Что ж, моя «карта» пока говорила мне, что я должна попытаться выяснить, что произошло с Машей Тумановской. Ведь я загадала, если Лариков дозвонится до Люды с первого раза, – значит, наша с Воронцовым встреча действительно судьбоносна.

Он дозвонился. С первого раза.

Мало того, ему несказанно повезло. Ванцова в кабинете не оказалось, и трубку сразу взяла Людмила.

* * *

Он передал трубку мне.

– Знаешь, Данич, договаривайся сама.

Я кивнула. Мужчинам ведь зачастую недостает душевной тонкости, разве нет?

– Люда? Это Александра Данич. Я сегодня заходила к Ванцову.

Она молчала, потом нерешительно произнесла:

– Да, я вас вспомнила.

– Люда, мне очень нужно с вами поговорить. Когда мы сможем увидеться?

– Надо полагать, что наша встреча должна остаться тайной для Ванцова, – догадалась Люда.

– Да, – сказала я. – Собственно, меня интересует Воронцов.

Она замялась.

– Люда, вы же не верите в его виновность!

– Я... не знаю. Может быть, я просто не хочу верить? – очень тихо произнесла она.

– Давайте встретимся, – попросила я. – Может быть, мы...

– Мы ничего не сможем сделать, Саша. Я о вас слышала, честное слово! Ванцов считает вас детективом от бога, но, я боюсь, даже вы ничем тут не поможете. Если бы Игорь Александрович хоть что-то сказал, а он молчит. Честное слово, Ванцов очень хочет ему помочь и злится от бессилия...

– Люда, давайте все-таки встретимся и обо всем поговорим.

Она помолчала немного, обдумывая мое предложение, потом решительно сказала:

– Хорошо. Договорились, через час. Давайте ваши координаты, я подъеду.

Ну, конечно, мы же не можем разговаривать при «шпионах». Я бросила взгляд на босса. Тот мое сомнение быстро понял и замахал руками.

– Не волнуйся, радость моя, я как раз собирался отбыть отсюда. Так что болтайте спокойно. Я даже не буду ставить «жучки». И вообще я не настолько симпатизирую Лешке, чтобы шпионить в его пользу! Хотя и считаю твой интерес к Воронцову довольно глупым, но признаю, что ты девочка большая, сама во всем разберешься.

Послав ему воздушный поцелуй, я продиктовала адрес и

повесила трубку.

– Тебя, конечно, не интересует мое мнение, – начал он спустя некоторое время, кашлянув, дабы привлечь к своей персоне мое внимание, – но я его все-таки выскажу. Мне кажется, что ты загоняешься!

Я с интересом посмотрела на него. Ах, я загоняюсь?

– И куда это я, как ты изволил выразиться, загоняюсь?

– Вот это и вопрос – куда тебя занесет, – развел он руками. – Может быть, тебе стоит сначала все-таки подумать?

– Я подумаю, – вздохнув, согласилась я. – Непременно. Как только, так сразу. Я буду много и напряженно думать, а о результате этого непосильного процесса сообщу тебе почтой. Лет через двадцать.

– Все-таки ты еще дерзкий подросток, – печально констатировал он. – Очень хочется видеть тебя повзрослевшей и поумневшей, но я реалист. Я понимаю, что пока это невозможно. А жаль...

– Иногда, когда я смотрю на скучных взрослых типа вас с Ванцовым, я начинаю понимать Питера Пэна, – улыбнулась я. – Тоже не хочется взрослеть.

– То есть ты хочешь доказать недоказуемое и гордишься этим своим стремлением, – кивнул он с довольным видом.

– Нет, я просто хочу понять этого человека. Эта история возбудила во мне интерес...

– Сашенька, – возвел он очи к небесам.

– Меня там нет. Я здесь сижу, – рассмеялась я.

– Сашенька, а почему же тебя она не заинтересовала в тот момент, когда сам факт этого убийства потряс весь город?

«Потому что я не видела его глаз», – хотелось ответить мне, но я прикусила язык, предчувствуя гнусные инсинуации по поводу моего нездорового увлечения этим красавцем Воронцовым.

Я просто тихо процитировала Уайльда.

Любимых убивают все – за радость и позор,
За слишком сильную любовь, за равнодушный взор, Все
убивают – но не всем выносят приговор...

– Сашенька, я все понимаю. Но ты пытаешься весь мир населить поэзией, а в нем этого нет. Дай тебе волю – ты начнешь одухотворять стол, пытаешься придать ему человеческие черты. Перед тобой убийца, а ты вкладываешь в его уста «Балладу Редингской тюрьмы», которую он, возможно, и не читал никогда. Он же спортсмен, Сашка! Мастер спорта по стрельбе...

– Ага! И почему тогда он предпочел топор?

– Не знаю, спроси у него. Да неужели бы он не смог оправдаться, если бы захотел? Он предпочитает молчать...

– Аутизм, – пожала я плечами. – Или просто он хочет страданий.

– А дети? Для них он тоже хочет страданий?

– О детях я не подумала, – призналась я.

Как это я, в самом деле? Да ведь есть кому меня нанять!

Я сразу оживилась.

– Они маленькие, – прочел мои мысли Лариков. – У них нет денег.

– Хватит рубля, – отмахнулась я.

– Сначала просто посмотри в их глаза, ладно? Может, после этого ты перестанешь жалеть убийцу их матери...

– Знаешь, в чем проблема? – тихо сказала я. – Я его как раз не жалею. Это вы все его настолько жалеете, что пытаетесь взвалить все на невинного человека – лишь бы убийце Маши Тумановской спокойно жилось! А я вот как раз и не хочу, чтобы это случилось...

– Ладно, с тобой бессмысленно разговаривать, – махнул он рукой. – Пока ты сама не убедишься в вине Воронцова, наши доводы так и будут казаться тебе недостаточно убедительными...

– А я еще ни одного веского не слышала. Наоборот. Почему мастер спорта по стрельбе, и – заметь! – обладатель стрелкового оружия, вдруг использует топор? Тем более что состояние аффекта вы все отмечаете... Ежели убийство было таким хладнокровным, не проще ли было все обдумать заранее? Например, использовать глушитель? Дождаться, когда дома не будет соседей. Самому их куда-нибудь вызвать по телефону, наконец!

– Зачем же ему так откровенно действовать? Выстрел сразу указал бы на него. А топор...

– Он хотел скрыться? Или нет?

– Са-ша...

– Я уже лет сто, как ношу это имя! Черт вас всех победи, Лариков! Человек хочет скрыться и садится на пол, ожидая милицию! А если он так делает, значит, он не собирался смываться! Вы сговорились, что ли, демонстрировать столь очевидную тупость?

Он открыл рот, чтобы мне возразить, но остановился и махнул рукой.

– Ладно. Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало, так это называется...

– Называй это как тебе заблагорассудится, – пробурчала я.

– Тебе бы чуточку здравого смысла... – грустно усмехнулся он. – Жизнь совсем не дивный сад, Александра Сергеевна! Зачастую жизнь – мусорная куча.

– Это потому, что люди сами превращают ее в мусорную кучу, – отрезала я. – И вообще – как посмотреть! Может быть, она все-таки дивный сад, просто вы видите только помойку? Сквозь закопченные стекла вашего сознания?

* * *

Дверь хлопнула. Лариков ушел, оставив меня наедине с собственными сомнениями.

А что, если он прав? Стала бы я так живо интересоваться судьбой этого Воронцова, если бы он, скажем, был похож не на Даймона Хилла, а на Расторгуева?

– Но он похож на Хилла, – сообщила я своему задумчивому отражению. – Его глаза, кстати, привлекли меня совсем не красотой, а выражением. Я не могла не откликнуться на этот призыв боли!

– Ага, конечно, – растянуло губы в язвительной улыбке мое собственное наглое отражение. – А ежели бы это были глаза человека, черты лица которого не отвечали бы твоим возвышенным требованиям?

Уф, какое же оно наглое-то! Так и хотелось запустить в него графином!

– И вообще ты уверена, что, если он действительно не виновен, тебе удастся доказать это? Путь-то один – надо найти истинного преступника!

– Что я и собираюсь сделать...

– Ах, какая умненькая девочка! «Ищут пожарники, ищет милиция»... Ничего найти не могут. И тут является она – Сашенька Данич! Этакая маленькая героиня!

– Нечего издеваться, – буркнула я. – Над собой я издеваться не позволю даже самой себе!

Кажется, я собираюсь поссориться сама с собой, как это ни парадоксально звучит!

Но в это время в дверь позвонили.

Я впустила в комнату донельзя смущенную и растерянную Люду.

– Я так рада, что вы этим заинтересовались, Саша! – произнесла она после того, как я растопила возникшую было

неловкость чашечкой кофе. – Потому что я...

Она собралась с силами и, глядя мне в глаза, выпалила:

– Я не верю, что Игорь мог это сделать! Поэтому я и пришла, хотя Ванцов, возможно, после этого меня уволит!

– Ничего, – успокоила я ее. – Лариков меня тоже скорее всего уволит, и мы организуем с вами женское частное сыскное агентство!

Она рассмеялась.

– Неплохая идея!

– Если женщину начинают задвигать в угол, в ней просыпается зверь феминизма, – сообщила я. – Так что мы с вами будем отстаивать собственные убеждения, несмотря ни на что.

Она была со мной полностью согласна.

– Так что вас интересует об Игоре? – спросила она.

– Все, – сказала я. – Абсолютно все, что вам известно! От начала и до конца!

Глава 3

– Он не мог ее убить, – начала она. – Не знаю, как вам объяснить, почему я в этом уверена. Просто достаточно посмотреть человеку в глаза и увидеть, что он не убийца. Но Ванцов считает все это женскими сантиментами. Если Игорь чего-то и добился своим молчанием – только того, что его возненавидели. Ванцов, может быть, раньше и был склонен к сомнениям в его вине, но в молчании Игоря он усматривает теперь холодное презрение. А улики... Все против него, Саша! Как назло. Соседка – вы бы ее видели, такая стерва! О, она в подробностях рассказала о скандалах, которые постоянно происходили в семье Воронцовых! О том, что дверь хлопнула, а потом раздался ужасный крик и еще один, а перед этим Игорь отвез детей к своим родителям, поэтому дома были только они вдвоем с женой. Дверь же хлопнула только один раз перед тем, как она услышала этот ужасный женский крик!

– А других свидетелей не было?

– Квартира расположена в старом доме. Там на лестничной площадке только две двери. Напротив друг друга. Всего три этажа, – как назло, все происходило в рабочее время. Дома оказалась только эта Аббасова и еще старушка на первом этаже. Та полуслепа и абсолютно глуха. Толку от нее никакого.

– Та-ак... Ее опрашивали?

– Пытались. Без толку. Улыбается, как блаженная, и кивает головой. Ее спросишь: он хороший человек? Кивает и улыбается. Он плохой? Точно такая же реакция... По-моему, у нее уже старческий маразм.

– А какие отношения были у Аббасовой с семьей Воронцовых?

– Она сказала, что Воронцов ее презирал. С Машей же они иногда пили кофе. Про Воронцова она наговорила такую кучу гадостей, что я начала невольно испытывать к нему симпатию. А Маша, по ее словам, была слабым и никчемным существом, которое не могло бы и шагу сделать, если бы ее постоянно не наставляла эта Аббасова.

– А мне поговорить с ними можно?

– Знаете, Саша, я вам дам их адреса, но постарайтесь все-таки встретиться с родителями Игоря перед этим. Вам надо сначала быть «подхваченной», понимаете? Надо, чтобы вас наняли. Иначе неприятностей не оберетесь. И еще, если свидетели не говорят чего-то представителям уголовного розыска, они вряд ли начнут откровенничать с вами, вы уж меня извините...

– Значит, у вас сложилось впечатление, что эта Аббасова врет? Или о чем-то недоговаривает?

– Я бы сказала не так. Она просто сама верит в бред, который несет. Мне показалось, что она относится к тому типу людей, которые свято верят в свою непогрешимость. Но

– я ей не верю. Мне показалось, что все она представляет в несколько преувеличенном виде. Сгущает краски, понимаете?

– Одно и то же в данной ситуации... Что еще вы можете сказать? Ведь я так поняла, что не только его глаза – еще нечто странное заставило вас усомниться в его вине? Или я не права?

Она не решалась ответить на мой вопрос сразу. Это было видно по робким движениям пальцев, теребящих краешек салфетки, по легкому движению губ...

– Это разглашение тайны, Саша. Меня за это по головке не погладят, – тихо сказала она.

Я не имела права настаивать.

– Хорошо, – кивнула я головой. – Попробую докопаться сама. Вы и так мне помогали.

– Я помогаю не вам, – она покачала головой. – Я пытаюсь помочь Игорю и Машиным детям. Мой вам совет – попытайтесь поговорить с родителями Маши. И ищите ответ в приюте для женщин и детей. Мне кажется, что именно там кроется разгадка этого преступления.

– А Ванцов? Он что, не разговаривал с ними?

– Разговаривал. Нет, не надо так уж очернять Лешеньку! Он пытается докопаться до правды, честное слово! И точно так же, как и мы, не уверен в виновности Воронцова! Но вы сами увидите, что там творятся странные вещи! У меня сложилось четкое ощущение, что все, кто мог бы помочь,

играют в некую игру – то ли боятся кого-то конкретного, то ли просто привыкли к страху и боятся всех сразу... То ли они просто-напросто растеряны и ошарашены настолько, что действительно ничего не могут вспомнить! Но мне показалось, что они хотят спрятаться от реальности. И им все равно, что происходит с неким Игорем Воронцовым, потому что, если решили, что он виновен, значит, так тому и быть!

Я ее поняла. Если бы все люди охотно делились наблюдениями и умозаключениями, наша работа была бы такой замечательно легкой, но отчего-то делятся своими дурацкими наблюдениями зачастую те, кто вряд ли заслуживает доверия. Ими движут самые разные причины, но в целом их показания оказываются только палками в колесе! Или человек хочет привлечь к себе внимание и врет напропалую уверенно, выдавая желаемое за действительное. Или он сводит счеты с обвиняемыми, и тогда вообще тяжело продраться к правде сквозь нагромождения лжи...

А те, кто может сказать правду, молчат.

– Я принесла вам вырезки из газет, – сказала Люда. – Может быть, вам что-то пригодится. Я сама собирала их. Честно говоря, пыталась я провести собственное расследование, но, видимо, нет у меня таланта к самостоятельным действиям! Если вам будет нужна моя помощь...

– Да, наверное, будет нужна, – кивнула я.

– Возьмите, – протянула она мне бумажный квадратик. – Это мой домашний телефон. Я буду рада оказаться вам по-

лезной, Саша!

* * *

Проводив ее, я начала просматривать вырезки из газет. Их было много – от крошечных сообщений, из которых можно было выяснить только картину преступления в весьма общих чертах, до больших материалов на целую страницу, в которых рассказывалось все о Маше, об Игоре, о том, что могло быть причиной убийства... В основном, все они повторяли друг друга с весьма маленькими вариациями, и я в конце концов выделила три статьи, достаточно большие и представляющие совершенно различные точки зрения.

Первая была написана женщиной. Я прочла ее подробнейшее исследование мелких деталей Машинной жизни и выяснила для себя много интересного. Например, оказалось, что Маша Тумановская «уделяла настолько много внимания своему служению», что на личную жизнь у нее почти не оставалось времени. Автор статьи восхищалась этим, а у меня возник вопрос – кто же тогда занимался детьми? Насколько я успела узнать из этой же статьи, старшей девочке было четырнадцать лет, то есть у нее был «опасный» переходный возраст. А мальчишке было семь, значит, кто-то должен был заниматься детьми?

Из этой же статьи я вынесла, что детьми Маше заниматься было вовсе не обязательно, поскольку их никто не обижал.

– А невнимание? – пробурчала я. – Оно тоже ведь обижа-ет...

Мое неодобрение относилось не к покойной Тумановской, а к автору статьи. Впрочем, я выписала ее имя и координаты газеты, в которой был напечатан этот материал. Это была некая «Любовь Тихомирова».

Вторая статья была вырезана из «Тарасовского криминала». Там было тоже тщательно и подробно описано преступление де-факто, поэтому я отложила ее в сторону, дабы вчитаться на досуге поподробнее – сейчас у меня не было времени.

Статья была полезна еще и тем, что в ней задавался тот же вопрос, который не давал покоя и мне: почему мастер спорта по стрельбе воспользовался чуждым видом оружия, тем более что никуда не собирался убежать с места преступления? И – о чудо! – там же дотошный автор подробно описал соседку, Ольгу Владимировну Аббасову, которая, как оказалось, была не в ладах с законом, так как задерживалась за хранение наркотиков. Кроме того, на ее квартире вечно происходили пьянки и дебоши. Там была еще целая масса полезных мне сведений, и я даже подумала, что скорее всего автор знает много больше, чем написал, поэтому я внесла его в мой список.

Третья статья изобиловала возмущенными криками. Я бы ее выкинула, не задумываясь, но в ней говорилось, что у Маши Тумановской, оказывается, была масса врагов. И имена

двоих из них приводились – причем, увидев их, я присвистнула.

– Я бы поостереглась иметь таких врагов, – пробормотала я, вписывая в свой «талмуд» Анну Воронкову, работника «Убежища», как она назвала приют, и по совместительству журналистку газеты «Женский мир».

Судя по тому, что имя Анны я встречала в других статьях непосредственно рядом с Машиным, я поняла, что именно она может оказаться бесценным свидетелем.

А возможно, и моим клиентом... Поскольку Анна тоже не верила в то, что Игорь Воронцов был убийцей.

* * *

Время пролетело незаметно. Взглянув на часы, я подпрыгнула.

У меня оставалось мало времени, если я хотела сегодня встретиться с Воронцовыми. А жили они – не ближний свет!

Улица Тополиная располагалась возле леса, где-то в районе Первой Дачной, и в темноте разгуливать там мне совсем не хотелось.

Поэтому я быстро написала Ларикову эпистолу, в которой уведомляла его, что вряд ли появлюсь сегодня в офисе – от Тополиной куда ближе до моего дома, чем до нашего «офиса», – но я обязательно позвоню вечером, если, конечно, мой дражайший босс вознамерится провести сегодняшней вечер

в родных стенах.

После этого я быстро оделась и вылетела на улицу.

«Какая все-таки жалость, что еще не начался байкерский сезон», – вздохнула я, глядя на остановку трамвая, заполненную людьми. Судя по их количеству, трамвая не было давно. Если бы был байк...

Но пока еще не сошел до конца снег. И ноги скользили и оказывались нередко мокрыми, потому что под ними была уже весенняя сырость.

«Ладно, – подумала я. – В конце концов, если трамвая давно не было, есть вероятность, что скоро он придет!»

* * *

Я поднималась в гору все выше и выше, и уныние местного пейзажа начало влиять на мое настроение. Мне теперь казалось, что все вокруг меня правы – я действительно лезу в абсолютно не мое дело, и с чего я вообще взяла, что справлюсь с этакой проблемой?

Словно в подтверждение моих слов из-за покосившихся ворот очередного шедевра архитектуры «частного сектора» – домишки, перекосившегося, будто миниатюрная «пизанская башня», – затыкала собака, ей тут же ответила вторая, потом третья, и я почувствовала себя осмеянной целым собачьим коллективом!

Но возвращаться мне не хотелось – не зря же я почти до-

ползла до самого верха этой нескончаемой горы?

Теперь я уже видела женский монастырь, а значит, где-то рядом должен был располагаться дом родителей Воронцова.

Я остановилась, чтобы осмотреться. Из монастырского храма донесся колокольный звон, и в пустынной дотоле местности появились человеческие фигурки.

Остановив маленькую старушку, бредущую на службу, я спросила у нее, где находится Тополиная, дом пятнадцать.

Она подняла на меня глаза и с нескрываемым любопытством поинтересовалась:

– А вы не к Полине?

– К какой? – не поняла я.

– К Полине Воронцовой. Вы к ней, что ли?

– Да, – кивнула я.

– У ней беда, – поделилась со мной словоохотливая старушка, покачав головой, и снова повторила:

– Така беда... Сын ее жену вроде убил, не слышали?

– Слыхала, – вздохнула я. – Но ведь это еще не доказано?

– Дак уже в тюрьме парень-то, – запричитала старуха. – А Машка его еще та курва была, еще та...

Она вдруг развернулась, не договорив, и пошла снова к храму.

– Постойте! – окликнула я ее. – А где их дом-то?

– Да вон он, – махнула она рукой. – Ты возле него стоишь.

С этими словами она торопливо засемила своей дорогой.

Я проводила ее недоуменным взглядом и пожала плечами: за несколько минут общения старушка успела не только указать мне дом, но и поделилась своим отношением к бедной Маше Тумановской. Так что... Нечестно обвинять бабушку в невнимании к моей персоне!

Я направилась к домику, калитка, скрипнув, впустила меня в печальный двор.

Подойдя к двери, я постучала.

Сначала мне никто не ответил – домик казался всеми покинутым, но я не собиралась сдаваться и постучала снова.

На сей раз в доме где-то в глубине раздались шаги и зажегся свет. А потом мужской голос поинтересовался:

– Кто там?

И я первый раз не сразу сообразила, как мне следует представиться!

* * *

Нет, честное слово, я настолько растерялась, что мне даже не пришло в голову соврать, представиться, например, корреспондентом, или изобразить подругу Маши, или, наоборот, представиться знакомой Игоря!

Он снова спросил, кто я.

– Простите, что я вас беспокою, – выпалила я. – Я частный детектив. Александра Сергеевна Данич. Мне очень нужно с вами поговорить. Откройте, пожалуйста!

Человек за дверью задумался, можно ли мне доверять настолько, чтобы впустить в дом, но, видимо, любопытство пересилило, и дверь приоткрылась.

Убедившись, что я одна и без оружия, он открыл дверь шире, и теперь я могла его видеть.

– Здравствуйте, Александр Евгеньевич, – сказала я.

Сомнений в том, что передо мной стоит отец Игоря, у меня не возникло. Они были похожи как две капли воды, только у Воронцова-старшего не было бороды, а густые волосы уже давно поседели. Но глаза были такими же, точь-в-точь, – с легким прищуром, глубокие и карие, с легким оттенком зеленого, едва уловимого, лишь изредка вспыхивающего где-то в самой глубине.

Надо же быть до такой степени похожими!

* * *

– Ну-с, и чем я могу служить? – поинтересовался он, рассматривая меня с любопытством. – Такой юной девушке-дективу с пушкинским именем?

Я чувствовала себя полным «чайником»!

Что же мне ему сказать?

«Понимаете, я хочу спасти вашего сына»?

– Понимаете, – сказала я вслух, бросаясь в омут головой. – Я... Я хочу помочь вашему сыну!

– Игорю? – спросил он.

Я кивнула.

– Чем?

– Как чем?

– Чем вы ему можете помочь?

Я молчала, смотря в пол. Под его насмешливым взглядом я снова почувствовала себя ученицей старших классов. «Данич, вам не кажется, что иногда люди совершенно не желают, чтобы вы совали свой любопытный нос в их дела?»

– Деточка, – мягко произнес отец Игоря, дотрагиваясь до моего плеча. – Я благодарен вам за участие в судьбе моего сына... Поверьте, очень благодарен. Но... Вы же знаете, обстоятельства таковы, что все усилия обречены на провал. Вы хотите найти смягчающие вину обстоятельства? Я не думаю, что убийство имеет оправдание. Я, может быть, покажусь вам жестоким, но Игорю надо расплатиться за совершенное деяние. Какой бы ни была Мария, он не имел права так поступать... Бог запретил нам убивать, а Игорь нарушил эту заповедь. Так что давайте позволим ему пострадать за совершенное зло. Иначе его жизнь будет адом.

– Она и так ад, – буркнула я.

– Значит, так надо.

– Вы не правы, – покачала я головой. – Я надеялась найти в вашем лице союзника. Я думала, что вы, как и я, не верите в его вину!

– Но он убил ее, деточка! И ничего с этим поделать нельзя...

– Я так не считаю...

Ох, до чего мне хотелось сейчас расплакаться!

Хотя, если разобраться, «что мне Гекуба?»

А вот поди ж ты, к глазам подступают слезы, и я чувствую себя одинокой воительницей, чьи усилия заранее обрекают на провал даже те, в чьем лице я надеялась если не обрести союзников, то хотя бы увидеть немного сочувствия!

Впрочем, в глазах Воронцова-старшего оно было, это несомненно. Он сочувствовал мне как маленькой идиотке, увидевшей на одну минуту его сына и влюбившейся в него.

Собственно, об этом он меня и спросил:

Не влюбилась ли я в его сына?

– Нет, – ответила я. – Я просто ненавижу несправедливость.

– Ну, хорошо, – кивнул он. – Проходите в комнату. Я постараюсь вам объяснить, почему я уверен в вине сына. Но ради всего святого, не смотрите на меня как на врага! Я меньше всего на свете желаю Игорю беды. И искренне хотел бы, чтобы все в его судьбе изменилось. Но мой сын уже совершил то, что совершил. А я достаточно разумный человек, чтобы не отвергать объективную реальность!

Глава 4

– Значит, вы ненавидите несправедливость... – сказал он, когда мы вошли в комнату, заставленную книгами. – Смею вас заверить, я отношусь к этому же типу людей.

Я взглядом пробежала по корешкам книг. Хозяин комнаты явно был увлечен философией. Но что меня немного удивило – так это то, что наряду с Брянчаниновым и Лосским мирно соседствовали Блаватская и Андреев («Врага надо знать в лицо», – сказал Воронцов, заметив мое удивление), а на отдельной полке стояли тома Антисфена, Диогена, Кратета и другой «кинической братии».

Похоже, отец Игоря всерьез увлекался «киниками».

– Я могу печалиться о судьбе моего сына, хотя, на мой взгляд, он поступил подобно Эзопу. Знаете, как он погиб?

Я кивнула.

– «Где здесь пропасть для свободных людей?» – процитировала я. – Вы считаете, что Игорь тоже выбрал эту самую «пропасть»?

– Именно так, – кивнул он. – Хотя, очевидно, я наделяю своего сына не свойственной ему силой характера. Может быть, он просто не выдержал той бездны лицемерной жестокости, в которой последнее время его вынуждали жить. Его – и его детей. Понять его можно, потому что...

Он встал и, не договорив, спросил:

– Вы будете чай с травами?

– Только, если можно, без них, – попросила я. – Травы расслабляют. Сразу хочется спать, а сон для меня пока – непозволительная роскошь...

– А как же с рецептом Грина? – улыбнулся он. – «Красивые девушки должны много есть и много спать»?

– Тогда они потолстеют, – рассмеялась я.

– В вашем возрасте хороший сон – необходимость.

– Пока я работаю, ночь – единственное время, когда я могу все разложить по полочкам, – призналась я. – За день моя голова поглощает столько информации, что на это действие у нее просто не хватает времени и сил. А ночью, когда я не обременяю ее новыми данными, она вполне может заняться ее переработкой.

– Зачем вы выбрали такую профессию?

– Я ее не выбирала, – пожалала я плечами. – Она меня выбрала сама. Я собиралась работать переводчицей. С французского. Но судьба распорядилась иначе! Теперь один мой знакомый следователь утверждает, что талант детектива у меня от бога, хотя я ему не очень-то верю. Самой себе я кажусь довольно бестолковой особой. Но он утверждает, что у меня очень сильно развита интуиция.

– И сейчас, надо думать, она вас решила обмануть?

– Почему?

– Вам она подсказывает, что мой сын не убивал Марию. Она вас обманывает, – тихо и мягко повторил он.

– Я видела его. Я видела его глаза...

– И боль в них, – кивнул он. – Я сейчас вас разочарую. Эта боль в его глазах уже давно. Так же, как и нежелание говорить ни с кем, кроме Сашки.

– Сашки? – переспросила я. – Его сына?

– Нет, дочери, – сказал он, улыбаясь. – Мою внучку зовут так же, как и вас. Александрой. Мальчика – Павликом. Игорь и Маша назвали их в нашу честь. Маша... Она ведь нас очень любила. И мы любили ее. А в том, что с ней произошло, тоже виновен Игорь. Он слишком буквально понял совет Диогена «учить свою возлюбленную тому, что знает и чувствует сам». Иногда свобода, живущая в тебе, оказывается непосильной ношей для близкого тебе человека. Так получилось и здесь – Машина душа не смогла справиться с чувствами, которые подарил ей Игорь. Она сломалась, потому что... Впрочем, если вы познакомитесь с ее родителями, поймете, о чем я сейчас пытаюсь вам сказать. Если птицу всю жизнь держали в клетке, она погибает на воле. Она не знает, как себя вести. Это случилось с Машинной душой. Она сломалась. Она не выдержала и сломалась, точно так же, как ветка ломается под поцелуем ветра. Игорь был этим ветром, ибо мой сын умел оставаться свободным в любых условиях! И этому же пытался научить всех – Машу и детей.

– Почему вы говорите о нем в прошедшем времени? – спросила я.

– Потому что человек, опустившийся до убийства, для ме-

ня перестает существовать, – сурово ответил он. – Я предпочитаю думать теперь о своем сыне, как об умершем...

* * *

Его приговор был вынесен – я понимала, что мои попытки заставить его усомниться в вине собственного сына обречены на провал, и все-таки его суровость вызвала во мне протест.

Все уже было решено за Игоря.

А я не хотела с этим смириться. Человек, возлюбивший свободу, был таким же, как и я. Я не могу вам объяснить, как я определяла своих «братьев по разуму». Но там, в глубине глаз этих людей, жила готовность даже на Голгофе крикнуть вместо ожидаемого «Пощады!» – «Свобода!». Это внутреннее чувство, не имеющее ничего общего с анархией, которую наше «большинство» путает с истинной свободой, им недоступно. Это не укладывается в их голове. Это слишком сложное чувство. А разница-то очевидна – за анархию убивают, а за свободу предпочитают умереть.

Игорь сейчас предпочел смерть. А я не могла с этим смириться. И вот он вам, ответ: «Почему Саша Данич не могла представить себе Игоря в роли убийцы». Свободный человек никогда не станет убивать. Он предпочтет погибнуть, это да. Но убийство – это из «другой оперы».

Я сейчас готова была взорваться, глядя в эти спокойные,

улыбчивые глаза, так похожие на глаза Игоря. Я очень хотела крикнуть, что же Игорю делать, если ему не верите даже вы?! Как ему жить с этим?!

Но я сдержала себя.

Да и он вдруг прижал палец к губам.

– Давайте не будем больше говорить об этом.

Во дворе скрипнула калитка. Раздались шаги. Дверь открылась.

На пороге стояла высокая темноволосая женщина, с такими же больными глазами, как у Игоря. За руку она держала маленького мальчика, а рядом с ней стояла девочка-подросток – высокая, худенькая, с серьезным взглядом больших серых глаз.

– Знакомьтесь, это Александра Сергеевна, – представил меня Воронцов.

– Очень приятно, – произнесла женщина. – Я Полина Аркадьевна. А это мои внуки. Саша и Павлик.

Я смотрела на мою тезку. В ее глазах, между прочим, плескалось такое же море свободы. Жажда свободы. Готовность умереть за свободу.

Она была такой же, как мы, а может быть, еще сильнее, чем мы с ее отцом.

И в первый раз за этот долгий день я испытала чувство, близкое к радости. Потому что в ее глазах я прочла ту же уверенность в невинности отца, что была у меня. Такую же – не допускающую никаких сомнений!

Полина Аркадьевна смотрела на меня, ожидая каких-то объяснений моему вторжению в их мир.

– Сашенька – детектив, – пришел мне на помощь Воронцов.

Полина Аркадьевна удивленно приподняла брови и переспросила:

– Детектив? А почему вы нами заинтересовались?

– Игорь, – напомнил Воронцов.

– Ах, вот оно что. Но ведь...

Она беспомощно оглянулась на детей и коротко приказала:

– Саша, уведи отсюда Павлика.

Девочка кивнула, хотя по ее глазам я поняла, что ей не хочется уходить.

Но тем не менее она покорилась бабушкиному приказу.

– Мы говорим мальчику, что отец уехал, – пояснила Полина Аркадьевна. – Не надо ему всего знать. Вырастет – Саша все ему объяснит. А пока... Зачем его травмировать? Вы меня понимаете?

– Да, – кивнула я.

– Так чему мы обязаны вашим визитом?

– Саша хочет выпить море, – объяснил Воронцов. – Она решила побыть Ксанфом – сделать невозможное!

– Это не так уж невозможно, – возразила я.

– То есть? – переспросила Полина Аркадьевна. – Я не могу понять вас. Пожалуйста, Александр, перестань умничать! И объясни мне все по-человечески.

– Саша не верит, что наш сын убил Машу.

– Как это? – недоуменно прищурилась женщина. – Как же можно не верить очевидному?

– Иногда очевидное совсем не является правдой, – упрямо возразила я.

– Впрочем, я не настаиваю, – махнула рукой женщина. – Верьте и дальше. Вы дружите с моим сыном, да?

– Нет. Я его видела один раз. У кабинета следователя Ванцова.

– О боже! И вы узнали о нем так много, что не верите в его виновность, в то время как мы, зная его куда лучше вас, в нее верим? Чего вы в таком случае хотите от нас?

– Наймите меня, – попросила я. – Понимаете, я не имею права заниматься этим делом, если мне никто не предоставит соответствующих полномочий. Таковы несовершенства нашей работы. Когда мы работаем, должно наличествовать юридическое лицо, которое нас ими наделило. Сами по себе мы не должны соваться в дела милиции. Все, что мне сейчас от вас может быть нужно, – чтобы вы стали моими клиентами. Тогда я буду иметь право заниматься этим делом.

– Понятно, – кивнула женщина, и ее губы сжались. – То есть вы хотите, чтобы мы вам платили, так?

– Нет! – вырвалось у меня.

– Напрасно вы решили, что можете пожить за наш счет! У нас нет денег. И потом, что вы собираетесь изменить? Если мой сын не виновен, как вы утверждаете, это сможет доказать и следствие! А наживаться на чужом горе...

– Да выслушайте же меня! – я стукнула кулаком по колену. Мои нервы начали сдавать. – Я не собираюсь брать с вас деньги! Мне не нужны ваши деньги, понимаете? Только маленькая справка, что вы обратились в частное агентство «ЛМ» для выяснения обстоятельств трагической гибели Марии Тумановской. Это ведь естественно – вы хотите доказать непричастность вашего сына к убийству! А деньги... Они сейчас меня совершенно не интересуют!

– Значит, начнут интересоваться потом, – она была неумолима. – И я не собираюсь платить за то, что вы не сможете сделать.

– Почему?!

– Потому что это глупо – пытаться опровергнуть очевидное. Мой сын виновен. И вы с этим ничего поделать не сможете. Как бы нам всем не хотелось обратного...

Ее голос дрогнул, но она взяла себя в руки. Быстро развернулась и вышла прочь из комнаты.

– Я же вам говорил, – тихо произнес Воронцов. – Мы не верим в невиновность Игоря.

– Да почему?

Господи, какая дикая ситуация! Собственные родители не

хотят поверить в невиновность своего ребенка!

– Потому что он хотел ее убить, – спокойно ответил Воронцов. – Он хотел и сделал это. Что еще я могу сказать? Больше ничего.

Он всем своим видом показывал, что мое дальнейшее присутствие не обязательно.

И все-таки я не хотела так просто сдаваться.

Я протянула ему визитку.

– Тем не менее я очень прошу вас подумать, – попросила я. – И если все-таки вы поймете, что вам и Игорю нужна моя помощь, позвоните. Я буду ждать.

С этими словами я развернулась и, наскоро одевшись, вышла прочь из этого странного дома, где мне не хотели верить.

Впрочем, что мне!

Там не хотели верить даже собственному сыну...

* * *

Я чувствовала себя злой, вымотанной и уставшей. Погруженная в собственное бессилие, я даже не заметила, как добралась до дома. Как будто я проделала безумно тяжелую работу, просто камни перетаскала с одного места на другое – и труд оказался сизифов!

– Сашка, ты выглядишь, как сжатый пряник! – озабоченно сказала мама. – Сережа, ты взгляни на нее только!

Пенс вышел с кухни и, внимательно изучив мою скорбную

физиономию, согласился с мамой:

– Да уж, Алекс, твое лицо напоминает похоронную фотографию! Что-нибудь случилось?

– Да так, – отмахнулась я. – Неприятности на работе... Сама виновата. Лезу вечно не в свои дела. Вот и получаю по физиономии, от чего она краше не становится!

Я прошла в свою комнату. Если честно, мне сейчас ничего не хотелось видеть. Бывает иногда такое острое желание отшельничества – особенно, когда тебе плохо.

Собственно, почему мне так плохо?

– «Что тебе Гекуба»? – напомнила я себе, глядя в окно.

Если никто не хочет твоей помощи, отойди в тень. А то вон чего дождалась – тебя уже сравнивают с Ксанфом, предлагая «выпить море». «Но его можно выпить, если остановить все реки!»

А тебе это, надо думать, по силам, а?

Дверь скрипнула.

– Саша...

Я обернулась.

На пороге стоял Пенс и смотрел на меня, как собака, которой ужасно хочется помочь хозяину, но она...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.